

**Митрополит
Антоний Сурожский**

**ТЫ НИКОГДА
НЕ УМРЕШЬ**

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

МОСКВА, 2016

Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р16-618-0669.

ДЛЯ БЕСПЛАТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Антоний, митрополит Сурожский.

Ты никогда не умрешь / Пер. с англ. – М.: Фонд
«Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»,
Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»,
2016. – 56 с.

В данной брошюре читателю предлагаются три беседы митрополит Сурожский Антоний (1914–2003): об отношении к смерти, о заботе об умирающих и больных и о качестве жизни. В первой беседе он обращает внимание на значение памяти о смерти в жизни, а также подчеркивает, почему важно не избегать столкновения со смертью как взрослым, так и детям. Во второй беседе митрополит Антоний привлекает внимание слушателей к тому, как нужно вести себя человеку, находясь с больным или приближающимся к концу жизни человеком. В третьей беседе он излагает собственное видение понятия качества жизни, в том числе и качества жизни человека во время болезни или умирания. Во всех трех беседах митрополит Антоний приводит примеры переживания смерти и последних дней жизни из своего личного опыта, а также из опыта людей, которых он знал, а в конце двух первых бесед отвечает на вопросы аудитории. Брошюра предназначена для медицинского персонала, пастырей и для широкого круга читателей, которым пришлось столкнуться со страданиями своих близких.

Помни час смертный¹

Скажу сразу совершенно определенно: никогда невозможно подготовить к чему-то, чего не испытал сам, и, таким образом, когда говоришь о приговлении неизлечимых пациентов к смерти, речь идет о неосуществимом. Мы не можем подготовить людей к событию, о котором ничего не знаем лично. Поэтому перед нами стоит вовсе не задача подготовить людей к смерти, а подготовить их к жизни вечной, если вы верующий, или к противостоянию неизбежному и окончательному, каково бы оно ни было, если вы сами неверующий. И ваше отношение к смерти очень важно. Помню, когда я впервые около тридцати лет назад делал сообщение на эту тему, священник подскочил, когда я сказал: «Я собираюсь говорить о том, как *нам всем* нужно готовиться к смерти, поскольку смерть — это неоспоримая реальность нашей жизни».

Позвольте мне сказать несколько слов о смерти как таковой. Существует древнее христианское изречение, что мы должны помнить, не забывать о смерти. Когда говоришь это современному че-

¹ Лекция на заседании Лондонской медицинской группы, 4 апреля 1987 г. / Пер. с англ. А. Мартыновой; под ред. Е.Л. Майданович.

ловеку, реакция обычно следующая: «О, как можно! Ты что, собираешься разрушить всю радость жизни, бросить тень на все, что прекрасно, полно смысла, все, что представляет жизнь во всем ее преизбытке, постоянно напоминая нам: ”Да, но ты умрешь, это закончится“?» Не это имели в виду древние писатели. Они хотели сказать, мне кажется, о том, что я очень остро пережил во время войны, в те пять лет, что я занимался военной хирургией. А именно: если ты не способен смотреть в лицо смерти, ты не можешь в полной мере смотреть в лицо жизни. Если ты не готов за свои убеждения или ради жизни другого человека на все, вплоть до потери своей жизни, ты всегда будешь жить осторожно, с оглядкой, избегая опасности, и никогда не будешь жить полнокровно, со всей глубиной и энергией, на которую способен.

Французский писатель Рабле в одном из своих писем написал: «Я готов отстаивать свои убеждения до самой смерти, *исключительно*». Что ж, так поступает большинство. Скажем, так поступает большинство из нас. Но это значит, что, когда перед нами встает предельное испытание, мы отступаем, мы не готовы идти на предельный риск. И в этом смысле неминуемая уверенность в смерти, возможность смерти для нас — это своего рода пробный камень для наших убеждений,

наших чувств. Я люблю этого человека. Готов ли я рисковать своей жизнью ради его или ее жизни, ради его или ее свободы? Или я готов говорить об этом, пока нет опасности, и отступаю, когда опасность становится слишком велика?

Помню еще, как кто-то сказал: «Как чудесно слышать так много проповедей о мученичестве в наших храмах. Это значит, что в наши дни нет риска мученичества, потому что никто не говорит о нем, когда оно неминуемо, когда оно реально, когда оно здесь. Человек либо встречает мученичество, либо бежит от него, человек не говорит о нем».

Вот первое, что я хотел сказать о смерти. Противостояние смерти позволяет нам оценить качество нашей жизни: готовы ли мы встретить жизнь лицом к лицу, со всеми ее трагедиями, страданием и опасностью. Другая сторона этого размышления о смерти, возможно, становится все важнее с каждым днем. Мы живем так, будто будем жить вечно и никогда не умрем. И мы живем, как будто пишем своего рода черновик нашей жизни, который однажды мы неторопливо сможем облечь в окончательную форму и сделать пригодным к обнародованию, сделать совершенным. Мы живем с представлением, будто впереди есть еще время, а затем приходит момент, когда времени уже не осталось, и наша жизнь оказывается неполной,

несовершенной, поскольку мы никогда не посмотрели в лицо факту, что в нашей власти только настоящий момент, а не следующий. А что касается наших взаимоотношений: можете ли вы представить себе, насколько глубоки они были бы, если бы мы осознавали, что либо я, либо человек, который со мною, любой из нас может умереть через несколько минут. Тогда мы делали бы все возможное ради того, чтобы каждое слово, каждое действие, каждый жест были настолько совершенными, насколько это возможно, были воплощением всего нашего благоговения перед человеком, всего нашего уважения к истине, выражением самой совершенной любви, какая только может быть. И это относилось бы не только к тому, что можно назвать великим, за что мы могли бы отдать свою жизнь, но даже мелкие дела мы совершали бы так, чтобы в них отражалась вся красота взаимоотношений.

Я немного скажу о личном. Моя мать умерла от рака после нескольких лет болезни. Она умерла дома, она знала, что умирает, потому что я сказал ей об этом. Смерть вошла в наши взаимоотношения, она присутствовала, и не было момента, в который моя мать или я могли уйти от знания, что смерть среди нас. Я не притворялся, и мама не притворялась. Ни она, ни я не были пленниками

лжи. Но в результате мы оба обнаружили: благодаря тому, что мы знали, что смерть может прийти в любой момент самым неожиданным и внезапным образом — сердце могло не выдержать или по любой другой причине, — каждое действие, каждое слово становилось совершенным выражением долгих лет взаимной любви и трепетного уважения. И это относилось не только к наиболее значительным вещам, но и к простым, к тому, например, как я приготавливал поднос с чашкой чая и приносил его. Он должен был быть красивым, чтобы его красота, его гармония могли быть выражением всей той любви, которую я мог вложить в мелочи. То, как я помогал ей удобнее устроить подушки под спину, сам жест, участие, тот факт, что я помнил об этом, — все это становилось, насколько это было возможно, совершенным выражением многих лет взаимоотношений любви. И она обращалась со мной так же, зная, что каждое слово, каждый жест может стать последним, и потому они должны быть столь прекрасными, насколько мы сумеем их сделать такими.

Если бы мы могли помнить, — о, не так трагично, как в этой ситуации, но, храня в глубине сознания ощущение, что то, что я собираюсь сказать или сделать сейчас, каким я сейчас буду, может оказаться последней и наивысшей точкой или

моим провалом, может быть блистательным концом или катастрофой — как бы мы вели себя по отношению друг к другу?! Не существовало бы поверхностных, неглубоких взаимоотношений, не было бы дешевых или преходящих взаимоотношений, а существовали бы только окончательные вещи. Есть русская поговорка, что встречаются раз и навсегда. Вот чему может научить нас смерть.

И я вспоминаю детский рассказ, в котором ставятся три вопроса: какой самый важный момент в жизни? Какой самый важный человек в нашей жизни? Какое самое важное дело в нашей жизни?.. История разворачивается подобно всем детским сказкам, но ответ таков: самый важный человек на земле тот, с которым я сейчас, потому что других людей не существует; самый важный момент в жизни — настоящий момент, потому что нет никакого другого момента, над которым я властен: прошлое ушло, будущее еще не наступило; а самое важное дело в жизни — в этот момент поступить правильно по отношению к этому человеку. Это рождается из того чувства, что смерть может прийти в любую минуту и оказаться либо исполнением, либо катастрофой. И я думаю, важно для нас, будь мы молоды или стары, пока мы живы, в добром здравии и владеем всеми нашими способностями, научиться смотреть в лицо жиз-

ни вместе с ее предельными вызовами и встречать каждого человека, каждое мгновение именно так.

Я узнал нечто о настоящем моменте очень интересным, возможно, даже занятным образом. Я был во французском Сопротивлении во время немецкой оккупации, и меня арестовали в метро. Когда я спустился, милейший человек положил мне руку на плечо и сказал: «Вы арестованы». В этот момент я открыл для себя ряд вещей. Я обнаружил, что у меня нет прошлого, потому что мое реальное прошлое я никогда не раскрою, поскольку оно затрагивает судьбы всех людей, связанных со мною, а несуществующее прошлое, о котором я расскажу ему, никогда не существовало. Таким образом, прошлого у меня не было. Я почувствовал себя, как ящерица, которая потеряла свой хвост и заканчивается там, где начало хвоста. А затем я открыл для себя еще одно: у меня также не было и будущего, потому что мы осознаем наличие будущего, постольку поскольку можем предвидеть, что случится хотя бы в ближайшие две, одну, три минуты. Здесь же я не мог предвидеть ничего. Я знал, что арестован, я совершенно не знал, что случится дальше. И я обнаружил, что настоящий момент, мгновение ока, непосредственность этого настоящего момента подобна неделимому атому, она содержала все мое прошлое, все, что я есть, чем я

был и чем я предположительно мог быть; и, как вы можете видеть, я не был ни расстрелян, ни отправлен в концентрационный лагерь. Я спасся по довольно нелепым причинам, но это другая история.

И это осознание настоящего момента мы должны в себе развивать, должны ему учиться. Разумеется, мы не можем думать при встрече с каждым своим другом: «Он может умереть, я могу умереть, дай-ка я установлю совершенные взаимоотношения». Это будет, в самом деле, не только мрачно, но и нелепо, настолько нелепо, что все будут смеяться. Но мы можем научиться осознавать, что настоящий момент — единственное, что мне доступно. Как я могу использовать его в совершенстве? А совершенство подразумевает многое. Оно означает совершенство в деле, совершенство в том, чтобы быть самим собой, совершенство в правде, в любви, но все это должно быть совершенным. Это должно быть достойно всей моей жизни, никак не меньше.

Здесь, в Англии, отношение к смерти очень удивляет русского человека вроде меня. Оно несколько улучшилось, осмелюсь сказать, не сильно, но стало, скажем, менее ужасным. И когда я впервые с ним встретился, я был поражен. У меня создалось впечатление, что для доброго британца умереть было чем-то совершенно непристой-

ным, что людям не следует так поступать со своими друзьями и родственниками, и, если они падут настолько низко, чтобы покинуть этот мир, они будут скрыты в своей комнате, пока похоронное бюро не вывезет их на место упокоения и не освободит семью от их присутствия, потому что по отношению к своим родным человек не должен совершать такую непристойную вещь, как умереть.

Я помню, как впервые столкнулся с этим отношением к смерти. Я проповедовал в Кембридже в университетской церкви, а потом университетский капеллан сказал мне: «Знаете, я священник уже тридцать лет, но никогда не видел мертвого тела и не присутствовал при умирании человека». Я был поражен, потому что сам видел более чем достаточно умирающих и мертвых. И я спросил: «Каким образом?» «Ну, — ответил он, — видите ли, когда кто-то из моих прихожан болен, до тех пор пока я могу ему помочь, я посещаю его. Когда он впадает в беспамятство и я не могу достучаться до него, я предоставляю действовать доктору, сиделке, родственникам, друзьям; ведь сам я ничего не могу сделать. А затем, — продолжал он, — когда он умирает, нет смысла идти смотреть на мертвеца, я беседую с семьей, понесшей тяжкую утрату: ”Я Воскресение и Жизнь“ и тому подобное. А затем я встречаю гроб в церкви».

Меня это глубоко поразило и напомнило мне, вернее, я напомнил ему о том, что сам испытал во время войны. В наш госпиталь принесли немецкого солдата с поля боя, через несколько часов он впал в беспамятство, и молодой пресвитерианский пастор-француз, который заботился о нем, вышел (он был очень молод, слегка за двадцать), по лицу его струились слезы, и он сказал мне: «Какой ужас! Этот человек не умер, он еще жив, и я ничего не могу сделать для него, потому что он не может ответить на мои слова и, возможно, даже не слышит, что я говорю». Мне также было тогда около двадцати пяти лет, и я сказал довольно резко: «Не дури, иди обратно к постели этого человека, возьми Новый Завет и читай ему его по-немецки, начиная с воскрешения Лазаря; читай и читай, делай паузы, чтобы вы оба отдохнули, и вновь читай». Этот молодой человек делал так в течение двух с половиной дней или около того, а затем за несколько часов до смерти этот немецкий солдат открыл глаза и сказал мне: «Это было так чудесно. Я не мог подать признаков жизни, но каждое слово достигало меня и давало новую жизнь».

Так что мы должны понимать, будь мы священниками, врачами или медсестрами, или родственниками, или друзьями человека, который умирает, сознание которого слабеет, который, возможно, не

способен общаться с нами обычным образом, — мы должны понимать, что может существовать уровень сознания, лежащий далеко за пределами того, что мы можем себе представить. И даже когда сознание, которое мы можем пробудить словами, ушло, существуют иные способы общения.

Я помню молодого солдата, который был ранен на востоке Франции и умирал. Вечером я подошел к его постели, и он сказал мне: «Я умру этой ночью». Я спросил: «Ты боишься умирать?» Он ответил: «Я не боюсь умирать. Мне грустно расставаться с женой, с детьми, с жизнью, какой я знаю ее; но я боюсь умирать в одиночестве». Я сказал: «Ты не умрешь один, я останусь с тобой». Он возразил: «Вы не можете оставаться здесь всю ночь». — «Могу». И тогда он сказал: «Наступит момент, когда я не буду осознавать, что вы здесь». Я сказал: «Нет, не наступит. Мы будем разговаривать. Когда ты устанешь, мы будем молчать, и я буду держать твою руку. Ты будешь то засыпать, то просыпаться, открывать глаза и видеть, что я здесь. Возможно, мы обменяемся парой слов, затем ты слишком ослабнешь для этого, но сможешь время от времени сжимать мою руку и продолжать осознавать, что я здесь. А затем, когда придет время, я уже буду не нужен». И я помню, как прошла ночь и наступило

утро; поначалу мы говорили, потом молчали, он смотрел на меня время от времени, когда просыпался, потом иногда сжимал мою руку, потом его рука похолодела, и он отпустил меня. Он умер, но он не был одинок ни одно мгновение. Пока он был способен воспринимать что-то на этой земле, он мог ощущать присутствие человека, кого-то, кто душой, сердцем и телом был здесь.

Это то, что мы можем сделать для умирающих. Мы можем делать это при любых обстоятельствах. Я пять лет работал в больнице, пять лет провел на войне, поэтому говорю не о невозможном. Это возможно, не всегда возможно какому-то конкретному человеку, но всегда есть кто-то, кто может это делать, и это очень важно.

Существует еще одна вещь, связанная со смертью, которую я считаю очень важной. Не надо прививать детям нездоровые взгляды и реакции взрослых. Я помню смерть в одном из университетских городов. Безгранично любимая бабушка, прикованная к постели и сильно страдавшая, умерла после нескольких лет болезни. Когда я приехал, я нашел там сына, невестку, но не увидел в доме никого из детей. Я спросил: «Где же дети?» — «О, мы отослали их». — «Почему?» — «Нельзя позволить им оставаться в доме, когда здесь покойница». «А почему нет?» — спросил я.

«Но они знают, что такое смерть! Это ужасно». Я был очень заинтересован, потому что подумал, что ребенок семи лет и ребенок девяти лет, знавшие, что такое смерть, знают много больше, чем я, и потому спросил: «А что они знают о смерти, что для них смерть?» — «Ну, они знают, что такое смерть. На днях они нашли в саду крольчонка, разодранного кошками». И тогда я очень по-русски отреагировал негодованием. Я разнес их в пух и прах и сказал: «Вы что, действительно хотите, чтобы, когда они будут на похоронах, они представляли...» — «О, но они, разумеется, не пойдут на похороны!» — «...или, когда однажды они подумают о своей бабушке на кладбище, они представят себе образ этой любимой бабушки в форме кролика, разодранного кошкой?» — «Нет, но как нам быть?» Я сказал: «Приведите их назад и пусть они пойдут и посмотрят на свою бабушку». «Они будут травмированы на всю оставшуюся жизнь». Я сказал: «Это будет на моей ответственности». — «У них будет нервный срыв». Я сказал: «Нет, они станут здоровее психически, нежели вы, вот и все». И детей привели.

Я объяснил им, что бабушка умерла, что они и так прекрасно понимали по суровой тишине и по тому, как их вытолкали и не позволили попрощаться с бабулей перед прогулкой и визитом

к друзьям. И один из детей сказал: «Но что это такое? Что значит умереть?» И я ответил: «Разве бабушка не говорила много раз: “Я бы так хотела поскорее умереть и снова быть с моим мужем, который умер раньше меня, и со всеми теми, кого я любила и кто ушел из этой жизни”?» — «Да». — «Вот это и произошло». — «Значит, теперь она счастлива?» Я сказал: «Да». — «Можно нам увидеть ее?» И это был пробный камень — что же они увидят? Мы вошли в комнату, увидели бабушку, лицо которой было мирным, потому что страдание ушло. Она лежала на своей постели, и один из детей сказал: «Так это и есть смерть». И другой сказал: «Как красиво!»

Не кажется ли вам, что это лучшее начало для человека, вступающего в жизнь, чем представление о крольчонке, разорванном кошками, или просто о чем-то неизвестном? «Бабушка умерла, не входите в ее комнату». — «Почему?» — «Нет, вам не следует ее видеть». И ребенок или подросток сразу же думает: «Это, должно быть, так ужасно, если мне не разрешают даже взглянуть на ее лицо». А потом они видят гроб, и все, что они могут себе представить, — живого человека (потому что они не видели умершего), замурованного в этом гробу, который опустят в землю, задыхающегося, в отчаянии рвущегося на свободу, на воз-

дух. Это вид патологии, который взрослые прививают детям. Дети намного нормальнее нас.

Я знаю это из опыта Русской церкви, Православной Церкви в целом. Мы всегда совершаем отпевание при открытом гробе, так, чтобы каждый мог подойти и сказать последнее «прости», поцеловать ушедшего человека. Я служу священником в Лондоне уже почти сорок лет, я видел множество людей на похоронах и много детей. Единственное, чего ни в коем случае нельзя забыть, это предупредить ребенка: «Если ты поцелуешь его или ее, не бойся, что тело будет холодным, потому что тепло — это признак жизни, холод — признак смерти». Потому что, если вы не скажете этого, а они, ожидая тепла от человека, которого знали, внезапно почувствуют ледяной холод смерти, то заплачут в страхе и ужасе. В противном же случае этого не будет, они посмотрят и увидят ясную безмятежность, мир и красоту, которая осталась.

Поэтому я считаю, что мы можем подготовить людей к их собственной смерти, если начнем это делать достаточно рано. В случае детей, их надо научить видеть в смерти часть процесса жизни в целом, а не страх, не ужас, не что-то пугающее и уродливое, а нечто, несущее в себе величие.

Один из способов научить этому детей — давать им возможность, позволять им видеть умерших, принимать участие в тех событиях, которые являются действиями любви по отношению к ушедшему человеку. В разном возрасте мы познаём смерть по-разному. Ребенок может узнать об умирании, о том, каково это — быть убитым, быть мертвым, через те игры, в которые играли люди моего поколения. Насколько знаю, сейчас это считается дурным воспитанием, но я так не думаю. Вы, наверное, знаете игру, где есть два лагеря. Грабителей преследует, скажем, конная полиция, и, когда один из полицейских догоняет кого-то из мальчишек, он касается его плеча и говорит: «Ты мертв». И тот падает замертво. Это чрезвычайно поучительная вещь. Я неоднократно наблюдал это в лагерях для мальчиков. Он падает, а воображение ребенка очень живое и образное, он знает, что его убили, он мертв. В то же самое время он это знает изнутри, будучи живым, поэтому он не боится, но знает, что мертв, и будет лежать так некоторое время, а затем обратится к своему противнику: «Я уже достаточно долго был мертвым, теперь твоя очередь ”пиф-паф!“». И умирать приходится другому.

Это звучит совершенно абсурдно, но я помню маленького мальчика восьми-девяти лет, кото-

рый должен был играть в такую игру, но страшно испугался, он спрятался за куст. Его воображение было настолько живым, а эмоции столь сильными, что он просто не мог покинуть свое укрытие. И я сказал ему: «Давай будем играть вместе. Мы выйдем отсюда и будем делать все, что положено по правилам игры». — «Но я не хочу быть убитым!» — «Ты не будешь, я буду убит вместо тебя». И вот мы начали играть. И он играл энергично и храбро, а потом, когда случился «пифпаф», я упал замертво, а он стоял надо мной, понимая, что каким-то опосредованным образом я умер, а на самом деле мертв был он, но в этом не было опасности, это было так чудесно. Если вы хотите проявить набожность, можете перенести этот образ на Христа, умирающего за человечество или за каждого из нас. Но я говорю о вещах гораздо более простых и прямых.

Когда мы становимся старше, в экстремальных ситуациях мы можем встретиться лицом к лицу со смертью совершенно иначе. Страх может быть преодолен силой сострадания или ужасом происходящего. Я помню одну из своих учениц, когда в течение года преподавал в Русской гимназии во Франции. Она была самой обыкновенной девочкой, милой, умненькой, но в ней не было ничего особенно впечатляющего. А потом во время

одного из налетов в Париже бомба упала на дом, где они жили. Все спаслись, все стояли снаружи, пересчитали друг друга и заметили, что одна пожилая женщина не вышла из дома. Дом был весь в огне, и девочка просто вошла внутрь, чтобы спасти эту женщину, и уже не вернулась назад. Чувство сострадания, говорившее, что этой старушке нельзя было просто позволить умереть, заставило ее забыть опасность, которую это представляло для нее самой, и она вошла внутрь. Очень часто мы можем лицом к лицу встретить смерть, свою или других людей, если в нас живут побуждения достаточно сильные, достаточно благородные, достаточно великие, достойные нашего человеческого звания, вместо того, чтобы пасть ниже того, кто мы есть.

Когда мы стареем, проблема становится немногим иной. Я не могу сказать, что это мой личный опыт, хотя я и достаточно стар, но я заметил, что пожилого человека или безнадежно больного более всего пугает то, что он ощущает присутствие смерти задолго до того, как она наступит. Мы ощущаем, как наше тело постепенно распадается, разрушается, например, память слабеет, разум не имеет былой ясности, эмоции менее яркие, физически человек становится все менее сильным. Пожилые люди и безнадежные боль-

ные очень часто чувствуют, что смерть действует внутри них, что смерть постепенно побеждает и что конечным результатом будет полный распад и разрушение той целостности, которая бывает так прекрасна, и все это может вызвать страх.

Судя по моей одежде, вы легко поймете, что я верю в Бога и верю в жизнь вечную, и вот с этой позиции мы кое-что можем сделать. Я вначале сказал, что мы не можем никого подготовить к смерти, потому что не знаем точно, каково это; мы можем подготовить человека к жизни вечной, помочь человеку воспринять жизнь вечную. Я не имею в виду поверить в нее, то есть поверить нам на слово; и я закончу примером, потому что чувствую, что уже слишком долго испытываю ваше терпение.

Пример таков. Некоторое количество лет назад наш прихожанин, который был моим личным другом, попал в больницу с желтухой. Его обследовали и обнаружили, что у него рак, который распространился на весь организм, и уже не стоял вопрос ни об операции, ни о том, что для него вообще что-то можно сделать. И вот он лежал в своей постели, его сестре и мне всё сообщили, и, когда я пришел, он сказал мне: «Вот досада, мне нужно столько всего сделать в жизни, а я лежу, прикованный к постели». Я ответил: «Знаете, вы

много раз говорили мне: «Как бы я хотел остановить время и вместо того, чтобы делать, делать, делать, мог бы просто *быть*». «Это ваш шанс», — ответил я. Он посмотрел на меня и сказал: «Да, но как это делается?» Потому что пожелать *быть* — это так просто, но мы, как правило, этого не умеем. Я сказал: «Знаете, болезнь, смерть зависят не только от физических условий — рака, микробов, несчастного случая; они также очень сильно зависят от вашего психического состояния. Внутри вашего сознания существуют вещи, разрушительные для здоровья и для сопротивляемости умиранию и разложению: обида, озлобленность, зависть» (даже с моим скудным английским словарным запасом я могу продолжить длинный список ужасов). И я добавил: «Попробуйте от них избавиться. Вы ничего не можете сделать для своего тела, доктора позаботятся об этом, но избавьтесь от того, что можете сделать сами». И мы начали постепенно проходить через процесс длиной, мне кажется, месяца в три, слой за слоем.

Мы начали с его нынешнего состояния, с его отношения к себе, к сестре, его взаимоотношений, его воспоминаний, и он примирился со всем этим. Затем мы погружались все глубже, глубже, глубже в его прошлое, а его прошлое было чрезвычайно трудным. И я помню, что постепенно он

примирился со всем, что составляло его жизнь, — с самим собой, с людьми, которые были с ним жестоки, с обстоятельствами, которые были трудны или невыносимы. И за несколько дней до смерти он лежал в своей постели, поддерживаемый подушками, такой слабый, что не мог сам есть, и, глядя на меня огромными глазами, сказал: «Знаете, мое тело уже почти мертво, однако я никогда еще не ощущал себя столь остро живым как сейчас», поскольку все, что было разрушительного в его духе, в его душе, его разуме, его эмоциях, ушло. То, что осталось, и было «Я» — личность, которая, разумеется, в том, что касалось его земной жизни, зависела от состояния его тела, но в том, что касалось способности быть собой, быть тем, кем он хотел быть и никогда не был, от этого не зависела. И мне кажется, что именно это мы можем сделать для людей, но не при помощи длинной беседы, как это сделал я, но помогая людям даже без таких подробных объяснений преодолеть все негативные чувства, все, что в них есть разрушительного, так, чтобы они пробудились к осознанию: ничто не может меня разрушить, я жив и ничто не может забрать эту жизнь у меня.

На этом я окончу свою беседу и, как я понимаю, у нас есть еще полчаса. Я закрою глаза, что-

бы те из вас, кто хочет сбежать до того, как мы перейдем к вопросам и ответам, сбежали, но те, кто останутся, могут свободно задавать вопросы или, разумеется, поспорить с тем, о чем я говорил.

Ответы на вопросы

Нужно ли человеку до последнего бороться за свою жизнь или наступает момент, когда можно желать для себя смерти?

Нам порой кажется, что у нас есть право сказать: «Я устал от жизни и я выбираю смерть». Мы не знаем, что может произойти в нас и привести нас к такой зрелости, какой у нас не было или нет в данный момент. Страдание, встреча со смертью, расставание с людьми, которых мы любим, встреча с болью, встреча со всей многосложностью человеческой души — всего этого мы не можем предвидеть. С другой стороны, меня до глубины души поражает то, что умирающие старики очень часто говорят: «Я бы хотел умереть и не быть обузой тем, кто меня окружает». И я всегда с искренней убежденностью говорил им, что они неправы, что они недооценивают любовь окружающих к ним, что присутствие их даже умира-

ющих много значит для тех, кто вокруг, а также, что их беспомощность, возможно, впервые дает их детям, их супругам, их друзьям возможность выразить всю свою любовь, все уважение к ним.

Я могу привести вам пример совсем не трагичный. Моя бабушка умерла, когда ей было девяносто пять лет. В последние годы жизни она была не так деятельна, как раньше. Помню, однажды я сидел в своей комнате, а бабушка мыла посуду на кухне, затем я услышал невероятный грохот разбивающейся посуды, и вошла бабушка, маленькая, очень бледная и очень серьезная старушка, и сказала: «Я не могу понять, почему Господь держит меня на земле. Я даже посуду не могу помыть как следует». Я ей ответил: «Я могу привести тебе две причины». — «И какие же?» Я сказал: «Первая та, что на том свете, должно быть, столько старушек, что Он не может Себе позволить еще одну». Она строго посмотрела и ответила: «Ты все шутишь, а я серьезно». Я добавил: «Да, а теперь вторая причина: с самого начала мира и до самого его конца, в прошлом, в будущем, в настоящем ты одна смогла сделать то, чего не смог никто на земле». Она наострила уши, посмотрела на меня с интересом и спросила: «И что же это?» — «Никто никогда не был, не будет и не может быть моей бабушкой». И она

воскликнула: «О, так я уникальна и могу делать что-то, чего не может никто на земле!»

С другой стороны, если говорить, например, об аппаратах, поддерживающих жизнь, я считаю, что не следует принуждать человека оставаться в живых искусственно, против природы, как происходит в случае, когда природа не может поддерживать жизнь и создается искусственное ее подобие. Я вспоминаю опять-таки человека, который попал в автокатастрофу и был без сознания четыре года, абсолютно без сознания, не реагируя ни на что, но будучи принуждаем жить, пока наконец природа не взяла верх над докторами. И я думаю, было бы человечнее дать природе шанс действовать свободно. Но это моя личная реакция на ситуацию.

Значит ли это, что вы против вмешательства врачей и искусственного продления жизни умирающего?

Я бы подвел черту под тем, что говорил минуту назад, о том, что, когда от человека не осталось ничего, кроме искусственной жизни, которая навязывается ему или ей, мы не помогаем природе, мы используем человеческое тело, мы не знаем ничего о том, что происходит с душой, мы используем человеческое тело как марионет-

ку, и я не считаю, что это достаточно уважительно, почтительно в отношении этого человека. В иных случаях, безусловно, необходимо оперировать опухоли, необходимо оперировать при аппендиците, необходимо лечить пневмонию и т.д. Но, когда мы делаем это, мы помогаем природе в борьбе, тогда как в случае, упомянутом мною ранее, мы помогаем в борьбе вовсе не природе, природа жаждет покоя и отдыха, а мы насилуем ее.

Я помню книгу Аксея Мунте² под названием «Легенда о Сан-Микеле» (не думаю, что вы такое читаете, но в мою бытность студентом-медиком ее многие читали). Я работал в той же больнице, где работал он за много лет до меня, ну, не так уж много, потому что я был там в 1934 году. И я помню, что он говорит о своем опыте работы в терапевтическом отделении. Он рассказывает, что, когда он впервые попал туда, пришел в ужас от того, что он посчитал бессердечием старых медсестер и бесчувственным отношением к жизни и смерти со стороны врачей. А потом он осознал, что пока человек мог бороться за жизнь, врачи и медсестры боролись со всеми своими знаниями, умением и страстью. Но приходил момент, когда они понимали, что все, что они могут, — это

² Мунте А. Легенда о Сан-Микеле. Записки врача и мистика. М.: Захаров. С. 2–3.

оставить человека и не помогать жизни продолжаться битву. И я вспоминаю фразу, сказанную пожилой медсестрой, определяющую, по мнению Мунте, отношение медсестер и врачей: «Мы сражались как два честных соперника, теперь пришла твоя очередь, делай свою работу, но делай ее с лаской». И в этот момент роль врача — помочь смерти быть ласковой, не превращать ее в последнюю мучительную схватку.

Вы говорили о том, что не надо бояться приводить детей в дом, где есть покойник. Но ведь бывают случаи, когда облик близкого для них человека смерть страшно искажила. Это же может ребенка напугать. Как быть в этом случае?

Я возражу сам себе и скажу, что, как и в каждом правиле, существуют исключения. Я бы не привел ребенка посмотреть на мать, совершенно обезображенную аварией. Говоря о жизненном правиле в целом, я бы стоял в этом вопросе на своем, но, конечно же, был бы осторожен в случаях с авариями, с болезнями, которые делают человека неузнаваемым. Я бы поступил так, чтобы дети могли посещать человека и постепенно следить за переменами, чтобы факт, что человек, который

был во цвете жизни, сейчас представляет ужасающее зрелище, не стал внезапным открытием.

Суд Божий, каким его можно представить? Сможет ли человек оправдаться перед Богом, ведь каждый из нас грешен?

Это в большой степени зависит от того, что вы думаете об иной жизни. Если Бог представляется вам жестоким Судией, а сам суд видится практически как неизбежная гибель, потому что никто не сумеет оправдать ожиданий Судии, то, думаю, вам не стоит выражать свои взгляды. Скажу вам, что сам чувствую по этому поводу. Во-первых, я бы сказал, что Бог, в Которого мы верим, — это Бог любви, и, когда Он видит зло в нас, Он отождествляет нас со злом не более, чем врач отождествляет пациента с болезнью. Для краткости доктор может сказать: «Это *та* пневмония или это *тот* аппендицит», но человека таким образом не определяют. И я думаю, что Бог смотрит на нас с бесконечным состраданием, как мы сами смотрим на кого-то, пораженного болезнью, или на жертву чего-либо.

У Сартра есть ужасная фраза: «Иуда не является предателем, потому что предал Христа, он предал Христа, потому что был предателем».

Я считаю это одним из самых чудовищных высказываний, потому что оно несправедливо. Оно делает Иуду *ничем, кроме* предательства, тогда как он был человеком, который предал. С другой стороны, если вы ожидаете полубогословского ответа (вижу, что здесь присутствуют священнослужители, поэтому говорю со страхом и трепетом), знаете, представление о Суде весьма обманчиво. Вы ведь знаете, что такое Суд. Существует законодательная власть, определяющая законы, есть судьи, задача которых применять законы, есть обвинение, есть защита, есть подсудимый, есть свидетели обвинения или защиты; все эти люди относительно независимы и не вторгаются в сферы остальных. Судья не создает закон, обвинитель не судит и т.д. А теперь, если вы обратитесь к образам Нового Завета, то обнаружите, что Господь — это и Законодатель, Господь одновременно и Судья, Господь — и Искупитель наших грехов, Господь наш Защитник, Господь умер во Христе за нас; какого же рода справедливости здесь можно ожидать? Можно ожидать милости, можно ожидать сострадания, можно ожидать многого, но никак не справедливости. И потому мы должны быть осторожны, перенося представления о суде, которое мы имеем в обычной жизни, на Евангелие.

Существует еще нечто, всегда вызывающее смущение (ну, меня это не смущает, я не так-то легко поддаюсь смущению), в отношении Суда: если есть ад и есть рай, а критерием вечной жизни является любовь, сколько ее было и есть в вас, то мне это представляется в виде концентрических окружностей. В центре Господь, Который есть совершенная любовь, вокруг него — великие и меньшие, а дальше — люди, имеющие в себе достаточно любви, чтобы находиться в этой области, а снаружи во тьме люди, в которых любви нет.

Любовь сродни состраданию, сердечной боли за страдания других. Чем больше в вас любви, тем больше сострадания, больше горя вы будете чувствовать при мысли о тех, кто вовне. И вот в центре находится Бог, Который будет совершенно и полностью несчастен, а затем святые, которые будут все менее и менее несчастными, по мере уменьшения в них любви. И тогда единственными, кто будет совершенно счастлив, станут те пограничные случаи, которые будут вроде тех людей, которые запрыгнули в автобус, уцепились, не будучи до конца уверены, удержатся они в нем или нет, и думают: «Я внутри, я внутри!»

Я не могу представить себе подобного рая. Точно так же я не могу себе представить мою

мать, которая, уютно оглядевшись в раю и не увидев там меня, перегнется через перила, увидит меня внизу в пламени и скажет: «Ну вот. Я же тебе говорила!» Извините, это не слишком возвышенно, но именно это я хотел бы донести до людей: если мы действительно верим в Бога, Который есть любовь, то любовь мы и встретим. Я ожидаю того, что Господь встретит нас, мы скажем: «Прости меня, посмотри, как я отвратителен, покрыт язвами и в лохмотьях». И Он скажет нам: «Подойди и сядь ко Мне на колени, поплачь как следует, все пройдет». Возможно, я оптимист, но я думаю, что я богословский оптимист в том смысле, что я представляю это, может быть, в забавном виде, но я верю, что в этом есть истина, что если Бог — это Бог любви, то должен быть выход. Мы можем не видеть этого, но мы можем войти в вечность с надеждой, а не с чувством ужаса. Я не верю, что Суд состоит в том, чтобы быть осужденным и приговоренным. Суд состоит в том, чтобы встретиться лицом к лицу с невыразимой красотой, совершенной любовью, увидеть, насколько мы недостойны, и как, несмотря на наше достоинство, мы любимы всею жизнью и смертью Сына Божьего, ставшего Сыном человеческим, и в этом наше спасение.

Пастырская забота о больных и умирающих³

Я буду говорить с вами, исходя из собственного жизненного опыта. Этот опыт разнообразный: с одной стороны, я был врачом в течение пятнадцати лет, с другой — я болею вот уже примерно двадцать пять лет; наконец, столько же лет я священник. Так что, когда я буду говорить о болезни или смерти, наверное, я буду одновременно говорить с нескольких точек зрения. И возможно, это самое полезное, чем я могу с вами поделиться.

Я бы хотел вначале вспомнить древнее монашеское высказывание, смысл которого оказался сильно искажен. Подвижники раннехристианской Церкви говорили: «Помни час смертный». Высказывание сохранилось, но отношение христиан к нему изменилось, и изменилось в очень печальную сторону. Было время, когда христиане воспринимали смерть как путь в жизнь вечную. Это видно из многих высказываний апостола Павла: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Флп. 1:21), «Я не хочу совлечься вре-

³ Лекция, прочитанная для финских православных священников, Куюпио, август 1974 г. / Пер. с англ. А. Михеева; под ред. Е.Л. Майданович.

менной жизни, но облечься в вечность...» (ср.: 2 Кор. 5:4). Большинство сегодняшних христиан относятся к этому иначе. Смерть ждут со страхом, и не только по тем причинам, по которым стоило бы; не потому, что христиане ждут за порогом смерти последнего суда, а потому, что ни отдельные христиане, ни христианское сообщество не могут сказать со Святым Духом Божиим: «Гряди, Господи Иисусе, и гряди скоро!» (ср.: Откр. 22:20). И все же мысль о смерти не должна быть источником ужаса; я надеюсь, что смогу показать, что память о смерти — это единственный способ жить в меру жизни со всем величием человека. Если человек недостаточно велик для смерти, он слишком мал для жизни. Пусть это послужит общим вступлением к тому, что я хочу сказать.

Когда человек заболевает, с ним происходит несколько вещей. Во-первых, человек обнаруживает, что его тело — это он сам. Обычно люди живут так, будто они — духовные существа, которые просто используют тело, само по себе мало что значащее. Болезнь заставляет нас признать, что мы в такой же степени телесны, как и душевны. Второе, что мы обнаруживаем, столкнувшись с болезнью, — это что мы полностью беспомощны и полностью зависим от милости Божией и от сострадания других людей. Третье, что всегда при-

ходит на ум больному человеку: конечным итогом болезни может быть смерть. Конечно, я не говорю о пустяковых заболеваниях вроде простуды. Но когда болезнь серьезна или ее природа непонятна, приходит мысль о смерти, хотя ее не всегда признают и не всегда допускают. Каково в этот момент наше место как пастырей?

Во-первых, у нас должны быть такие отношения с людьми, чтобы наш визит воспринимался нормально и с радостью. Во многих домах приход священника к больному выглядит почти как напоминание о том, что смерть уже у порога. Таким образом, пастырская забота о больном начинается, когда он еще здоров, с установления простых и дружеских отношений. Во-вторых, мы должны проговаривать то, что человек боится сказать; но делать это, не запугивая, а так, чтобы помочь человеку посмотреть в лицо всем своим проблемам. Я помню, как во время войны у нас в госпитале был священник, который использовал болезнь человека, чтобы напугать его и тем вернуть к религии. Так делать нельзя. Мы должны иметь смелость и такт, чтобы помочь больному говорить о своих страхах, потому что одна из самых больших трудностей для больного — это изоляция, которую рождает боязнь открыться. Многие из тех, кто считает себя смертельно больным,

не осмеливаются задать вопрос, потому что боятся услышать ответ. И всю энергию, которая могла бы быть направлена на излечение, поглощает страх перед возможным ответом. Первое посещение больного человека может стать началом движения к правдивости. И в первую очередь нужно отнестись к человеку, которого вы посетили, с интересом и заботой. Нет ничего более разрушительного для душевного состояния человека, чем визит священника, который приходит, садится и смотрит на часы. Может быть, вы торопитесь, вам нужно идти еще куда-то; но человек, к которому вы пришли, должен чувствовать, что все то время, когда вы рядом с ним, вы не думаете ни о ком и ни о чем другом. Нужно научиться смотреть на человека и слушать его. И на протяжении всего разговора обращайтесь внимание не только на слова, но и на выражение глаз, лица, на тон голоса.

Мы нередко слышим, как очень бодрые слова произносятся очень испуганным голосом. И мы должны уметь отвечать на страх или на вопрос, который скрывается за словами, а не только на сами слова. В зависимости от того, какие отношения у нас с человеком, можно поступать по-разному. Если мы знаем человека достаточно хорошо, можно просто сказать: «Нет, будь честен, не разыгрывай передо мной спектакль. Давай поговорим по-

простому. Ты боишься. В чем дело?» Если мы знаем человека не очень близко или если наши отношения недостаточно глубоки, мы должны найти способ показать, что мы все понимаем, но при этом нельзя ранить человека. Я помню, как посещал одну очень испуганную женщину, которая противилась всем попыткам общаться просто и прямо. И тогда я прибег к такой стратегии. Я сказал ей: «Как замечательно, что в нашем случае нет опасности смерти или серьезной болезни». И затем, по ходу разговора, я рассказал ей о смерти моей матери. У нее был рак, как и у женщины, которую я посещал. Мы долго говорили обо всем, что я пережил, пока мама умирала. И в конце эта женщина спросила меня: «Как вы думаете, я смогу встретить смерть так, как ваша мать?» И тогда мы смогли говорить о ней, а не о моей матери.

Есть люди, которые знают, что их болезнь серьезна и может привести к смерти, у них есть проблемы в жизни, они боятся за свои семьи, переживают из-за дел. Они всегда стремятся вырваться из больницы или из постели как можно скорее. И мы должны среди прочего убедить их побыть в тишине и покое. Я помню, как один человек в таком положении сказал мне: «Я должен выздороветь, мне еще столько нужно сделать в жизни». И я ответил ему, что на протяжении по-

следних десяти лет он все время говорил мне, что хотел бы хоть несколько недель ничего не делать, а просто *быть*. «Вы сами ничего не сделали, чтобы получить эти недели. Бог дал их вам, примите их». «Но как мне их использовать?» — спросил он. «Просто будьте в покое, будьте в тишине, будьте в мире». И затем мы начали говорить о том, чем наполнить эти недели. Этому человеку предстояло умереть в течение нескольких месяцев. Он еще не знал об этом, но я знал. Я указал ему, что здоровье, жизнь или смерть во многом зависят от моральных и психологических факторов. Речь не только о психосоматических заболеваниях, болезнях тела, вызванных состоянием психики; нас убивают некоторые состояния нашей собственной души: ненависть, злоба, чувство вины. И я предложил ему: если он хочет жить и быть цельным, целостным, он должен разобраться с этими проблемами, а тело свое оставить докторам, которые сделают для него все необходимое. И мы неделя за неделей разбирались с его настоящим и прошлым. Он понял, что у него были плохие отношения с сестрой, что прошлое вызывало в нем чувство горечи, что он чувствовал вину за некоторые поступки. И постепенно мы вместе с ним разрешали все эти проблемы настоящего и прошлого. Он примирился с Богом, он при-

мирился со всеми людьми, с которыми еще мог поговорить. Затем он примирился со всем своим прошлым, с людьми, которых уже не было рядом. И можно было видеть, как шаг за шагом его душа, прежде тяжелая и обремененная, стала возвращаться к жизни, как трава после дождя. И в то же время его тело постепенно умирало. Он ужасно исхудал и ослаб, и, когда уже не мог вставать с постели, он сказал мне: «Как странно: мое тело умирает, и тем не менее я никогда не чувствовал себя настолько живым». Он осознал, что жизнь в нем не зависит от состояния тела. И когда в это время мы начали говорить с ним о смерти, он с улыбкой сказал: «Мое тело умрет, но жизнь у меня забрать нельзя. Жизнь, которую я ощущаю в себе, коренится не в теле».

Из этого я бы хотел сделать один или два вывода. Готовить кого-то к смерти — это всегда ошибка. Нужно готовить людей к жизни. Только когда человек дошел до понимания полноты жизни, понимания того, что жизнь укоренена в Боге, а не в человеческом теле, — только тогда он способен встретиться со смертью.

Мы должны осознать, что все мы больны смертельной болезнью, которая называется «смерть». И чем раньше мы поймем, что все мы являемся умирающими, хотя смерть не имеет

над нами власти, — тем лучше. Вот почему нужно готовиться к смерти смолоду. В жизни бывает момент, который зависит от возраста или от состояния здоровья, когда мы начинаем чувствовать, что наше тело увядает, что уходит физическая сила, что наш ум уже не такой острый, что наши чувства уже не столь живые, как были в молодости. И в этот момент есть опасность перепутать смерть с увяданием; решить, что смерть — конечный результат постепенного увядания, что смерть — окончательное разрушение.

Когда мы думаем о смерти в значительно более молодом возрасте, когда она еще не действует в нашем теле, мы можем взглянуть в лицо смерти как вызову жизни. Я помню, как отец сказал мне: неважно, жив ты или мертв, важно, ради чего ты готов жить или умереть. Значение имеет не сама жизнь или смерть, но то, чем наполнена жизнь, и тот вызов, который бросает смерть. И вот еще что сказал мне отец: ты должен ждать смерть так, как юноша ждет свою невесту. Готовиться к смерти так — значит смотреть в лицо жизни со всей смелостью и дерзновением. Такое отношение означает, что есть ценности столь великие, по сравнению с которыми смерть — ничто. Для верующего это любовь, любовь Божия. Для человека неверующего это может быть идеал. Все, чему мы готовы слу-

жить, а не использовать, может дать нам достаточно величия, чтобы посмотреть в лицо смерти.

Я думаю, это основные принципы нашего пастырского подхода к больным и умирающим. Конечно, можно сказать гораздо больше о различных ситуациях. Но это основные принципы. Только уча людей жить в полную меру любви Божией, во всем масштабе величия человека, мы можем помочь человеку встретить смерть — после того, как он встретил жизнь. Невозможно ожидать, что люди, которые боятся или не способны творчески, дерзновенно встречать жизнь, творчески и с решительностью встретят смерть. Но в то же время только встреча лицом к лицу со смертью, то, как мы встречаем ее, может дать уверенность в том, что мы можем встречать жизнь до предела риска. И к этому мы призваны: так обладать жизнью и смертью, чтобы мы могли сказать вместе с апостолом Павлом: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение».

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Скажите, пожалуйста, коротко о таинстве елеосвящения. Его совершают только над умирающими?

Таинство елеосвящения — это не только таинство для исцеления тела. Если вы почитаете о том, какие для него необходимы условия, вы увидите, что человек должен исповедаться за всю свою жизнь. А исповедаться за всю жизнь — это не просто составить список всего, что происходило в последние шестьдесят лет. Это означает пройти весь путь очищения от зла, от накопившейся неправды. В молитвах таинства елеосвящения ясно говорится: мы надеемся, что исцеление души перельется, Бог даст, и в исцеление тела. Поэтому я думаю, что прибегать к таинству елеосвящения только как к попытке исцелить тело — ошибка. Это не форма церковной медицины. Это действительный акт пастырской заботы. И когда мы подготавливаем человека, помогаем ему вновь обрести душевную цельность, он может сказать: я чувствую себя настолько преображенным, что мне неважно, буду ли я жить или умру, болен я или здоров. Может случиться, что когда человек вновь обрел целостность, цельность души и духа, он скажет вам: «Мне уже неважно, живу я или умер, выздоровел или нет».

Качество жизни, или Стоит ли жить⁴

Если я правильно понимаю тему сегодняшней беседы, то она сводится к вопросу «стоит ли жить», потому что понятие качества жизни настолько разнится в зависимости от культуры или обстоятельств, что трудно представить себе такое качество, которое удовлетворило бы всех.

Поэтому я приведу несколько примеров и постараюсь с их помощью объяснить, что я понимаю под качеством жизни и под представлением, которое у каждого из нас может сложиться — или не сложиться, — что жизнь стоит прожить.

Мой первый опыт, в этом отношении чрезвычайно глубокий и относится к послевоенному времени, когда узники нацистских концлагерей стали возвращаться во Францию. Это были люди разных национальностей, но их объединяло то, что все они прошли через страшный и порой разрушительный лагерный опыт.

Я заботился о них полтора года, и у меня было достаточно времени расспросить, через что им пришлось пройти. И я обнаружил, что они вы-

⁴ Беседа с медицинскими работниками 20 июня 1990 г. / Пер. с англ. Е.Ю. Садовниковой; под ред. Е.Л. Майданович.

жили потому, что страстно хотели выжить. И это очень важно, потому что, когда мы рассуждаем о качестве жизни, исходя из благополучия окружающего нас мира, мы думаем о том, как улучшить то, что мы уже имеем, как приобрести еще больше, как стать еще счастливее. Их же существование было сведено к абсолютному минимуму, когда значение имели только самые основные нужды: не умереть, выжить. Поскольку в лагере все делалось, чтобы их уничтожить, вопрос выживания приобрел особый смысл, который нам неведом, просто потому, что жизнь нам дается легко, естественно, нас поддерживают в стремлении жить или даже принуждают жить вопреки нашему нежеланию существовать дольше, чем природа нам, казалось бы, определила.

Это первое: качество жизни, оценка его, желание жить во многом зависят от того, существует ли радикальная угроза жизни. Концентрационный лагерь представлял радикальную угрозу жизни. Это чрезвычайно важно и существенно, потому что помимо ситуации, когда на жизнь посягают самым чудовищным образом, существуют ситуации, которые нам кажутся менее страшными, поскольку мы в них не оказывались.

Взять, к примеру, отсутствие жилья и голод. Когда у нас или в любой западной аудитории за-

ходит речь о голоде, и стар и млад считают, что голод означает просто хороший аппетит. Мы нередко говорим: «Я зверски проголодался», и это означает всего лишь: «Я не прочь плотно поесть». Но голод не имеет ничего общего с хорошим аппетитом. Я это знаю на собственном опыте. Когда я был студентом-медиком, на еду средств не хватало, потому что нужно было учиться и зарабатывать, чтобы оплачивать учебу и еще как-то существовать. В какой-то момент я дошел до такого состояния, что, идя по улице, вынужден был присаживаться на тротуар каждые пятьдесят шагов, потому что не было сил идти дальше. *Это* был голод, но даже он не идет ни в какое сравнение с тем, что мы читаем или слышим по телевидению в передачах о голодающих в Судане, Эфиопии, Бангладеш и других странах мира. Такой голод тоже представляет угрозу жизни, когда все, что нужно, — это держаться; держаться, собрав всю энергию, все мужество, когда стремишься не к роскоши, не к излишествам, а стремишься выжить, и ради этого готов на все, что допустимо в пределах морали и нравственности.

Голод и предшествующие годы бездомности меня кое-чему научили. Они научили тому, что в жизни есть чрезвычайно драгоценные вещи, о существовании которых люди, живущие в благо-

получии, не догадываются. Я вам приведу еще один пример. В годы немецкой оккупации я был во французском Сопротивлении и поэтому не мог найти работу. Я жил уроками и перебивался случайными заработками. Помню, как-то я не ел пару дней и зашел к своему товарищу-одногодке (мне тогда было лет двадцать девять — тридцать). На кухонном столе у него, точнее, просто на столе, который был в его комнате, я увидел огурец, о — всего лишь с палец длиной. Больше я не видел ничего: ни его лица, ни комнаты — только огурец во всем его великолепии: это была еда! Может быть, это кажется смешным: можете надо мной посмеяться, но так оно и было: мой приятель посмотрел на меня, посмотрел на огурец и спросил: «Ты давно не ел?» Я сказал: «Давно». — «Тогда мы его поделим». И этот молодой человек, мой ровесник, скорее всего, такой же голодный, как и я, разломил огурец пополам. И ни разу за всю жизнь я не ел пищу с таким благоговением, как эти пол-огурца. Для меня эти пол-огурца стоят особняком — как цена жизни. Это была возвращенная мне жизнь, абсолютная ценность.

Я привожу вам эти примеры, потому что в условиях нашей действительности мы привыкли предъявлять качеству жизни очень высокие требования. В обстоятельствах моей юности, военного

и послевоенного времени качество жизни зависело от крошечных вещей, но таких, которые были бесценны, значительны, потому что этот кусочек огурца был не только пищей, это была щедрость сердца голодного юноши, делящегося тем малым, что у него есть. Если хотите, по выражению одного из наших молодых богословов, это была любовь Божия, ставшая съедобной и переданная мне через братскую любовь другого человека.

Поэтому вопрос качества жизни нужно продумывать не только в привычных категориях, но гораздо шире и глубже.

Есть еще одна сторона у качества жизни, которая, я думаю, важна, — это цель. В моем маленьком примере и в случае узников концентрационных лагерей цель ясна: выживание. Качество жизни снижалось или, наоборот, улучшалось в зависимости от любого события, которое делало выживание возможным или невозможным, которое давало или отнимало шанс выжить. Это могло быть нечто совсем малое: найти укрытие в тот момент, когда тебя преследует гестапо; получить кусочек пищи; миг, когда случается нечто незначительное само по себе, но в то же время бесценное для тебя. Я приведу вам еще один пример.

Во время войны я был военным хирургом и работал в прифронтовом госпитале. К нам привезли

немецкого солдата, раненного в руку. Рана нарывалась так, что указательный палец правой руки подлежал ампутации, и мой начальник жестом приказал это сделать. Солдат поглядел на нас и сказал по-немецки: «Я — часовщик». Знаете, что означает для часовщика потерять указательный палец? Он — конченный работник, ему нечем прокормить не только себя, но и свою семью. Я пообещал лечить его, попытаться спасти палец и работал над ним три недели вопреки своему начальнику, который сказал: «Ты сошел с ума: идет война, а ты три недели будешь возиться с каким-то пальцем!» Но я и сейчас считаю, что был прав, потому что, возможно, вплоть до сего дня где-то в небольшом городке или деревне Германии живет человек, который смог выжить, вернуться домой, кормить свою семью и теперь вспоминает неразумного молодого хирурга, потратившего ради этого свое время. Качество жизни для него заключалось в здоровом пальце, а для меня цель состояла не в том только, чтобы спасти палец, дело было не в хирургической операции, а в том, чтобы совершить человеческий поступок, который намного превосходил просто палец или самого этого человека. Он охватывал всю его семью, создавал новую ситуацию, новые отношения между пленным и захватчиком, создавал среди войны оазис гуманности и любви.

Есть еще смысл. Это не совсем то же самое, что цель. Смысл — это значение, которое ты придаешь тому, что с тобой случается в жизни или во время смерти. Я снова приведу пару примеров, которые объяснят все лучше, чем можно передать рассуждениями.

Первый пример — русская монахиня, мать Мария. Ее арестовали немцы за то, что она спасала евреев, давая им приют у себя в доме, и отправили в концентрационный лагерь, где она провела около двух лет. Здесь примечательны две вещи.

Первое: она отдавала половину своего пайка слабым и больным, кому грозила смерть от голода. В этом был смысл ее действий, а не цель. Цель была бы в том, чтобы выжить самой, а сознание смысла привело к тому, что ей стало безразлично, выживет она или нет, важно было, чтобы выжили другие.

Второе: она так же и умерла. В лагере отобрали группу женщин, чтобы послать их в газовую камеру на смерть. Одна из них, девушка лет девятнадцати, билась и кричала в ужасе, и мать Мария подошла к ней и сказала: «Не бойся: последнее слово не смерть, а жизнь». Девушка ее спросила: «Вы в это верите? И можете доказать мне?» Мать Мария ответила: «Да, могу: я пойду с тобой в газовую камеру», и она присоединилась к груп-

пе, пошла в газовую камеру и умерла с тем, чтобы превратить смерть этой девушки в событие, полное надежды, а не отчаяния.

Можно привести и другие примеры. Моего старого друга, который был лет на 25 старше меня, немцы отправили в концентрационный лагерь по той же причине. Когда через четыре года он вернулся, я встретил его на улице и спросил: «Что вы вынесли из лагеря?» Он ответил: «Тревогу». — «Вы потеряли веру?» — «Нет, но пока я находился в лагере, подвергался насилию, жестокости, пока был на грани смерти, я в любой момент мог обратиться к Богу и сказать: ”Отче, прости им, они не знают, что делают“. Теперь я на свободе и тревожусь за тех людей, которые нас так зверски мучили, потому что не знаю, переменились ли они, раскаялись ли, сожалеют ли о содеянном. И когда я за них молюсь, не ответит ли Бог на мои молитвы: ”Теперь-то тебе легко молиться: ты больше не страдаешь. Чем ты докажешь искренность и подлинность твоей молитвы?“» Это еще один пример того, как человек обрел смысл в страданиях: страдание наделило его правом прощать, и он обнаружил цель, ради которой стоит жить в таких условиях.

Еще один пример: несколько лет назад в Латвии, под Ригой, я встретил священника мое-

го поколения, который провел в концентрационном лагере и тюрьме двадцать шесть лет. Он сидел на койке напротив меня и с сияющими благодарностью глазами говорил: «Представляете себе, как добр был ко мне Бог? Советские власти не допускали священников ни в тюрьмы, ни в лагеря, и Он выбрал меня — молодого, неопытного священника, и поместил на пять лет в тюрьму и на двадцать один год в концентрационный лагерь, чтобы я мог служить людям, которые нуждались во мне больше, чем те, которые остались на свободе». Для него опыт двадцати шести лет пребывания в концентрационном лагере и тюрьме стал предметом благодарности: Бог был милостив, добр к нему, указал ему цель, и эта цель наполнилась для него абсолютным смыслом.

Если мы снова вернемся к вопросу о качестве жизни, нам нужно серьезно задуматься, каковы его составляющие. Что делает жизнь качественной? Роскошь, достаток, возможность иметь все, о чем ни помечтаешь? Или нечто гораздо более важное: ощущение ценности жизни, как *жизни* в ее обнаженности, ощущение того, что смерть — ничто в сравнении с этим. В древние времена люди говорили: «Имей память смертную». Когда это говоришь современному человеку, реакция такая: «Ты хочешь сказать, что память о

смерти должна омрачать в каждое мгновение любую радость в жизни?» Нет, не это они имели в виду. Они хотели сказать, что пока ты не способен встретить смерть лицом к лицу, бесстрашно смотреть ей в лицо, ты не можешь жить со всей полнотой. Лишь приняв без страха вызов смерти, мы сможем не дрогнуть перед вызовами, которые бросает нам жизнь. <...>

Так ли уж страшна смерть, когда оказываешься с ней лицом к лицу? У меня есть еще пять минут, поэтому я могу дать вам еще один пример. Мне трудно об этом говорить, но я считаю, что вы имеете право на примеры, даже если они причиняют боль докладчику. Моя мать умирала от рака дома, после длительной болезни. Ее оперировали, операция прошла неудачно. Хирург сообщил мне об этом и добавил: «Разумеется, вы ей об этом ничего не скажете». Я ответил: «Обязательно скажу». «В таком случае, — заявил хирург, — я отказываюсь ее лечить, потому что она придет в отчаяние». Я пошел к матери и все ей рассказал. Она на меня посмотрела и спросила: «Значит, я умру?» — «Да». И потом мы долго сидели молча. Долго не по минутам, а по глубине, по тому, насколько это молчание проникло в самую сердцевину души. И мы вышли из этого молчания, обогащенные новым опытом.

Мы обнаружили, что нам стало нечего скрывать друг от друга, что между нами не было того, что зачастую вкрадывается в отношения между умирающими и их окружением: семьей, врачами, медицинскими сестрами, друзьями; между нами не было лжи. Не было лжи, создаваемой и теми и другими: самим умирающим, который знает, что на нем печать смерти, но улыбается и делает вид, будто впереди только жизнь, и окружающими, которые поддерживают эту ложь.

Между нами не было неправды, и, поскольку ее не было, это давало нам возможность проживать каждую минуту вместе со всей полнотой, какую она несла, потому что эта минута могла оказаться последней, и, поскольку она могла оказаться последней, ее нужно было прожить совершенно. Каждое слово могло оказаться последним, поэтому оно должно было вместить, воплотить всю любовь, все отношения, все, что было между нами. Каждый жест, самый обыденный, мог стать выражением безразличия и небрежности или любви, заботы и нашего единства.

Мы обнаружили, что, если приготовить поднос с чашкой чая так, чтобы он был красив, это может стать выражением любви и вместить в себя сорок или более лет совместной жизни. Мы обнаружили, что нет ничего слишком незначительно-

го, чтобы оно не могло стать воплощением любви, выражением подлинных отношений.

Я думаю, что это имеет отношение к качеству жизни. Если мы не научимся открыто смотреть смерти в лицо, нашей собственной смерти и смерти других людей (вместе с ними, не в разобщенности, — в разобщенности смотреть смерти в лицо невозможно), наша жизнь никогда не приобретет того высшего качества, которое позволяет узникам в концентрационных лагерях и тюрьмах, неизлечимо больным или тем, кто подвергается смертельной опасности на войне или в других обстоятельствах, принять вызов и сказать: «Я живу, победа за мной!»

СОДЕРЖАНИЕ

Помни час смертный	3
Пастырская забота о больных и умирающих	33
Качество жизни, или Стоит ли жить	43

Антоний, митрополит Сурожский
ТЫ НИКОГДА НЕ УМРЕШЬ

Перевод с английского

Редактор Р. Адамянц

Подготовка издания Е. Садовниковой, Т. Семчишиной, В. Ерохиной

Верстка Е. Владимирской

Дизайн обложки Е. Коврижных

Корректоры Л. Ким, Е. Кудряшова

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Тел.: 8 (903) 543-88-19

www.mitras.ru

E-mail: esadovnikova@yahoo.com

fondmas1@yandex.ru

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

119048, Москва, Кооперативная ул., д. 10, кв. 12

Тел.: 8 (965) 372-57-72

www.hospicefund.ru

E-mail: fund@hospicefund.ru